
Елена Лайт
Поцелуй Чёрной Смерти
18+

Елена Ланц

Поцелуй черной смерти

«Автор»
2026

Ланц Е.

Поцелуй черной смерти / Е. Ланц — «Автор», 2026

У каждого человека есть свой последний час. Но в Книге судеб напротив имени Лиоры Вейн стоит пустота.Она должна была умереть ещё при рождении. Однако спустя двадцать пять лет девушка по-прежнему жива, а сама Смерть оказывается бессильна перед ней.Сайрен — седьмой Жнец, тысячелетиями провожавший души за Последнюю границу. Он не знает жалости, не испытывает страха и никогда не сомневается в законах мироздания.Пока не встречает Лиору.Расследуя загадочные смерти людей, чьи жизни оборвались раньше срока, они открывают тайну, способную разрушить порядок вещей. Но чем ближе Лиора и Сайрен подбираются к истине, тем опаснее становится их притяжение.Впервые за вечность Жнец чувствует тепло, желание и страх потерять того, кто ему дорог. А девушка, которую невозможно убить, постепенно обретает власть над смертью.Теперь им предстоит сделать выбор, к которому не готов ни один из них.Ведь чтобы подарить любимой жизнь, самой Смерти, возможно, придётся стать смертной.

© Ланц Е., 2026
© Автор, 2026

Елена Ланц
Поцелуй черной смерти

ЕЛЕНА ЛАНЦ
ПОЦЕЛУЙ

ЧЁРНОЙ СМЕРТИ
Мрачное романтическое фэнтези
Рукопись для литературной и корректорской вычитки
ПРОЛОГ. СОРОК ТРЕТЬЯ СМЕРТЬ
В ту ночь умерли сорок три человека.

Сорок два — согласно Книге. Сорок третий — вместо ребёнка, чьё имя ещё не успели произнести вслух.

Повитуха накрыла девочку полотном и отступила к двери. На улице грохотал дождь; ветер так сильно бился о ставни, словно кто-то пытался войти без приглашения.

Комната была тесной и слишком светлой для беды, которая в ней случилась. Под потолком висели связки сушёной мяты; на стуле лежала приготовленная ещё утром детская рубашечка, вышитая крошечными синими крестиками. Мара шила её, когда дочь толкалась под сердцем. Она спорила с повитухой о цвете ниток, смеялась и обещала мужу, что ребёнок будет упрямым. Теперь крошечная рубашечка казалась насмешкой над всем, во что она верила.

Ещё утром Мара стояла у этого окна, придерживая огромный живот, и смотрела, как на дворе мокнут последние садовые яблоки. Муж ушёл за лекарем; она попросила его купить по дороге подсвечник с широким основанием — прежний всё время опрокидывался. Ей казалось важным устроить дом так, чтобы ребёнку было безопасно. Она завязала на сундуке новую ручку, переставила ножи повыше, попросила повитуху перевесить тяжёлую полку. Каждая мелочь была обещанием будущего, которое она считала бесспорным.

Сейчас этот подсвечник лежал на боку. Капля воска стекла на пол и застыла неровной белой слезой. Мара смотрела на неё, потому что на лицо дочери смотреть уже не могла. Ей хотелось разомкнуть ладони, передать маленькое тело повитухе, позволить кому-нибудь взрослому и разумному взять на себя следующую минуту. Но единственным взрослым и разумным человеком, который мог действовать, оставалась она сама.

Мать учила её хранить имена прежде, чем Мара научилась писать собственное. В семь лет девочка впервые увидела, как под чёрной обложкой оживают буквы. Тогда ей строго объяснили: имя Жнеца не заклинание для исполнения желаний. Это часть равновесия, которую человеку доверили не потому, что он мудрее других, а потому, что кто-то должен отвечать за сохранность ключа. Мара всю жизнь с презрением относилась к тем, кто нарушал правила ради своего удобства. Теперь она не могла вспомнить ни одного правила, которое было бы убедительнее холодного лба дочери.

Ей даже пришла жестокая мысль, что отец девочки обязан быть здесь. Не для того, чтобы остановить её, — чтобы хотя бы разделить ответственность. Но его всё ещё не было. И Мара впервые поняла, насколько одиноким становится человек в минуту, когда любовь требует поступка, за который нельзя получить прощение заранее.

Она подняла рубашечку со стула. Провела пальцем по синим крестикам, выравнивая помятую ткань, словно ребёнку ещё предстояло её надеть. Потом положила обратно, очень аккуратно. Руки были чужими, непослушными. В горле саднило от несказанного крика. Даже если бы за окном сейчас остановился весь город, никто не услышал бы той тишины, которая стояла между ней и младенцем.

Мара держала девочку так, будто могла передать ей собственное дыхание через ладони. Большой палец коснулся крохотного ногтя; под ним не было ни розового тепла, ни ответного движения. В голове возникала нелепая мысль: может быть, младенец просто ждёт, когда все перестанут суетиться? Мара знала, как распознавать конец. Её учили этому с детства. Но знание не помогало приложить к ребёнку слово «мертва».

В саду за домом ветка стукнула по раме. Мара вздрогнула и на секунду обрадовалась — как будто это дочь пошевелилась. Затем услышала собственное тяжёлое дыхание. Не плач, не молитву, а звук тела, продолжающего жить вопреки тому, что в нём оборвалось. Именно эта несправедливая устойчивость собственного сердца заставила её поднять глаза на комод.

— Госпожа Вейн, — прошептала повитуха, — мне нужно позвать священника.

Мара Вейн не ответила. Девочка появилась на свет слишком рано, и её неподвижные пальцы всё ещё лежали в раскрытой ладони матери. Никакие слова повитухи не могли изменить того, что ребёнок так и не вдохнул.

— Уходите, — сказала Мара.

— Но вы потеряли много крови…

— Уходите.

Повитуха вышла. Мара дождалась, пока шаги стихнут, и поднялась, держась за стену. В нижнем ящике комода лежал свёрнутый в плотную ткань том без названия. Кожа переплёта была чёрной, как вода на дне колодца. Книгу ей оставила мать вместе с предупреждением: никогда не открывать последнюю страницу.

Снаружи ударил погребальный колокол. Мара сосчитала семь ударов, хотя похорон в городе сегодня было гораздо больше. Седьмой Жнец всегда приходил без сопровождения.

Свеча задрожала и погасла. У окна стоял мужчина в длинном чёрном пальто. Он был очень высок, его прямые тёмные волосы касались воротника, а глаза напоминали серый лёд под тонким слоем снега. Ни дождь, ни холод не оставили на нём следа.

— Её срок наступил, — произнёс он.

Мара прижала дочь к груди.

— У неё не было срока. Она не успела жить.

— Книга различает окончание, а не справедливость.

— Ты можешь уйти без неё?

— Нет.

Она знала, что он не лжёт. Жнецы не владели смертью; они приходили за теми, чья нить уже оборвалась. Но Мара знала и другое. Каждое из семи бессмертных существ имело истинное имя, записанное не человеческими буквами. Хранители имён должны были защищать эти слова. Её род столетиями исполнял этот долг.

— Ты не узнаешь себя, если услышишь имя, — сказала она.

Впервые на безупречно спокойном лице Жнеца промелькнуло выражение.

— Положи книгу.

Мара раскрыла последнюю страницу. Белизна бумаги причиняла боль глазам. Она коснулась букв окровавленным пальцем и произнесла сочетание звуков, от которых лопнуло стекло в оконной раме.

Жнец схватился за грудь. Его тень отделилась от ног и судорожно заметалась по стене.

— Остановись. Ты не знаешь цены.

— Назови её потом.

Мара опустила ладонь на сердце дочери и повторила слово. Холодный свет вошёл в маленькое тело.

Секунда. Ещё одна.

Тук.

Мара задержала дыхание.

Тук. Тук.

Девочка судорожно вдохнула и закричала. В этом звуке было столько негодования, будто её грубо разбудили посреди прекрасного сна.

Мара заплакала, впервые за всю ночь позволив себе слабость. Жнец медленно выпрямился. На его запястьях обозначились тонкие тёмные линии, прежде незнакомые его телу.

— Теперь каждый удар её сердца будет отнимать часть моей вечности, — сказал он. — Когда она научится пользоваться именем, граница ответит ей.

— Она будет жить?

— Да. Но не бесплатно.

В далёком доме, у площади фонарщиков, молодой часовщик внезапно упал на пол. Его жена не услышала ни стона, ни падения: она укачивала новорождённого сына. У часовщика оставалось ещё сорок лет. В ту ночь они оборвались.

Жнец повернул голову, словно услышал чей-то зов, недоступный человеческому слуху.

— Тот, кто погиб вместо неё, не был выбран тобой, — произнёс он. — Но однажды она узнает его имя.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он посмотрел на плачущего младенца. Ни одной даты не возникло в его сознании. Там, где он привык видеть точную меру существования, зияло пустое место.

— Научи её милосердию, Мара Вейн. Особенно если однажды она решит, что может исправить смерть.

Он исчез. Свеча загорелась снова.

Ребёнок плакал, хватая воздух маленьким ртом; Мара прижалась губами к его лбу. Он был тёплым. Так просто и страшно тёплым. Она знала, что должна сейчас радоваться, но за радостью тянулось другое чувство, тёмное и тяжёлое, как мокрая ткань на полу. Кому-то за стенами этого дома стало холодно навсегда.

Она сумела перепеленать дочь только с третьей попытки. Дрожащие пальцы не слушались. За окном дождь не прекращался; где-то вдали захлебнулся колокол. Мара подумала, что однажды расскажет девочке всю правду. Не тогда, когда та начнёт понимать слова, а когда сможет вынести чужую боль и не отвернуться. Эта клятва казалась ей твёрдой. Впоследствии она нарушит и её.

Мара дала дочери имя Лиора — «та, что несёт свет». И спрятала книгу так глубоко, что сама боялась однажды найти её.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕВУШКА БЕЗ ПОСЛЕДНЕГО ЧАСА

ГЛАВА 1. АРХИВ НЕВОЗВРАЩЁННЫХ

В двадцать пять лет Лиора Вейн знала, как пахнут чужие смерти. Чаще всего — мокрой бумагой.

Архив Невозвращённых занимал бывшую часовню на восточном берегу Вальдена. Здесь хранили сведения о тех, кого некому было похоронить: рабочих, утонувших в каналах, солдат без жетонов, младенцев с пустыми графами вместо фамилий. Лиора переписывала имена в толстые книги, чтобы хотя бы у мёртвых осталось доказательство их существования.

Здание когда-то построили для молитвы, но теперь в бывшем алтаре помещалась картотека. Пальцы деревянных ангелов, уцелевших под самым сводом, указывали на ряды полок. Под ногами скрипели половицы, напитанные старым воском, и только за северным окном поблёскивала вода канала. В ясную погоду отсюда можно было видеть часовую башню, но Вальден редко дарил ясные дни. Город жил между дождём и копотью; железные мосты соединяли набережные, над которыми едва успевал рассеяться утренний туман.

Лиора любила это место не за тишину. Здесь чужую жизнь можно было вернуть хотя бы в предложение. «Пел по воскресеньям». «Чинила соседям обувь». «Стеснялся улыбаться». Она дописывала такие подробности на оборотах карточек, несмотря на раздражение началь-

ства. Подписанная дата сама по себе ничего не говорила о человеке. Она научилась этому в двенадцать лет, когда после исчезновения матери соседи стали говорить о Маре как об одной из городских несчастных случаев, словно её смех, привычка забывать ключи и запах яблок в рукавах больше не имели значения.

В этот день в архив пришла пожилая женщина с пачкой писем, завязанных суровой ниткой. Она прятала свёрток под пальто, хотя дождь уже кончился, и всё оглядывалась на вход, словно за ней могли явиться. Её звали госпожа Бесса. Муж погиб на канале десять лет назад, а теперь городские бумаги утверждали, что у него не было родственников.

— Я не требую пенсии, — сказала она, когда Лиора предложила ей присесть. — Мне не нужны деньги. Просто уберите это «не имел семьи». У него была я. Сорок один год была.

Женщина вынула старую фотографию. На ней двое молодых людей стояли у деревянной ограды, смущённо держась за руки. Лиора положила снимок между страницами книги и заметила, как посетительница перестала сжимать ремешок сумки. Достаточно было увидеть своё доказательство не на чужих коленях, а на архивном столе.

Норрен не разрешал принимать фотографии без печати нотариуса. Лиора знала правило наизусть и наизусть знала суммы, которых у большинства её посетителей не было. Она достала чистый лист, переписала с писем адреса и даты, поставила пометку «требует подтверждения» и подшила фотографию в отдельный конверт. Не нарушение закона — маленькое пространство внутри него, где ещё можно поступить по-человечески.

— Он был хорошим? — спросила она.

— Он был раздражительным, — ответила Бесса неожиданно резко. — Вставал ночью пить воду и никогда не закрывал дверь на кухню. Мог неделю молчать из-за разбитой чашки. Но когда я простудилась, делал мне отвратительный чай с солью, потому что перепутал банки. Потом пил со мной, чтобы я не обижалась.

Она усмехнулась, и на лице на миг появилась та девушка с фотографии. Лиора дописала историю чая карандашом на обороте карточки. Она знала, что эти слова не обязаны пережить очередную государственную проверку. И всё-таки сейчас они имели значение.

После ухода Бессы Лиора долго смотрела на пустое кресло. В детстве мать говорила ей, что мир держится не на великих именах, а на обещаниях, данных за кухонным столом. Тогда Лиора не понимала, почему это нужно объяснять. Теперь ей казалось, что Мара предчувствовала собственное исчезновение и оставляла дочери инструкции на случай, когда объяснить уже не сможет.

Она встала на цыпочки, достала с верхней полки коробку с непроверенными записями и вновь принялась за работу. В бывшей часовне пахло воском, сырой древесиной и чернилами; по плиткам у дверей ползли полосы света. Пока Лиора могла отличить живую историю от пустой графы, у неё оставалось хотя бы одно дело, которое она умела делать хорошо.

В отражении стёкол Лиора видела знакомую худощавую фигуру: тёмные, почти чёрные волосы обрывались у плеч, неровные пряди постоянно выбивались из узла на затылке. Янтарные глаза казались слишком пристальными на лице с острыми скулами, а тонкий шрам у левой брови придавал взгляду недоверчивость даже в минуты спокойствия. Она не любила смотреться в зеркало. Там всегда находилось что-то от матери — особенно упрямая линия рта, способная сделать нежность похожей на вызов.

Порой ей казалось, что вся её жизнь состоит из чужих дат. Лиора знала, в каком году рухнул мост, где едва не утонула, и какого числа сгорела мастерская, но не помнила, какой пирог любила на своём пятнадцатом дне рождения. Тот день казался менее значительным, чем семь событий, после которых ей говорили: «Тебе необыкновенно повезло». Она устала от этого выражения. Везение предполагает радость, а после каждого спасения оставались люди, которых не удалось вытащить.

Утром дождь сорвал с крыши два листа жести. Под потолком висела влажная паутина. Её начальник, господин Норрен, в третий раз жаловался на расходы, а Лиора в третий раз делала вид, что не слышит.

К полудню в архив пробрался рыжий кот. Никто не знал, кому он принадлежал; у него было надорвано одно ухо и такая самоуверенная походка, будто бывшая часовня давно числилась за ним. Норрен ненавидел животных среди документов, но кот обнаружил мышиную нору под полом и, видимо, счёл вопрос о своём праве на пребывание решённым. Лиора звала его Крош. Он приходил за остатками её обеда и укладывался на тёплую крышку печки, когда в архиве начинался дождь.

В тот день Крош запрыгнул на стол, пока Лиора переписывала свидетельство Бессы. Кошачья лапа оставила на бумаге россыпь чернильных точек. Девушка ахнула, подняла кота на руки и обнаружила, что тот явно не собирается раскаиваться. Он ткнулся носом в её подбородок, повёл порванным ухом и замурлыкал так громко, что Норрен выглянул из кабинета.

— В архиве запрещены звери, — заявил начальник.

— Здесь запрещена неразрешённая правка документов, — отозвалась Лиора. — Крош, к счастью, не умеет читать.

— Зато умеет пачкать.

Лиора посмотрела на испорченный лист. Если бы это была одна из личных записок о чьём-то муже или ребёнке, след лапы казался бы почти уместным: маленькое доказательство, что среди каталогов ещё оставалась жизнь. Но перед Норреном она не собиралась философствовать. Сняла лист, начала заново и пообещала лично вытереть стол.

Позже, когда начальник ушёл, кот забрался ей на колени. Лиора погладила жёсткую рыжую шерсть и обнаружила на холке старую проплешину. Откуда он взялся? Кто оторвал ему ухо? Почему он доверился человеку, который большую часть суток провожал на бумаге незнакомых мёртвых? На эти вопросы не существовало архивных ответов.

— Ты совершенно не знаешь, что должен жить прилично, — сказала она коту.

Крош зевнул. Она засмеялась и впервые за день позволила себе закончить обед, не листая документы. Вечером, уходя, оставила ему блюдце воды у печки. Лиора ещё не знала, сколько чудовищ и чудес вскоре войдёт в её жизнь. Но в тот час ей казалось достаточно важным, что завтра кому-то понадобится налить воды.

— Ты снова осталась после закрытия, — сказал он, заметив стопку карточек.

— Кто-то должен исправлять даты.

— Даты не исправляют, их переписывают.

— Тогда объясните мне это.

Она положила перед ним две карточки. Одна принадлежала торговке Эльсе Дорн, умершей в понедельник. Вторая была оформлена на того же человека два года назад. В первой карточке причиной смерти значилась лихорадка; во второй — «погребена по ошибке». Подписи чиновников совпадали до излома последней буквы.

Норрен долго изучал бумаги.

— Архивистка, которая ищет смысл в ошибках писцов, скоро сойдёт с ума.

— Или найдёт того, кто их делает.

Слова прозвучали смелее, чем Лиора чувствовала себя на самом деле. Последние три недели она находила карточки с недостающими годами. Человек умирал молодым; в старом реестре, куда никто не должен был иметь доступа, значилась другая, гораздо более поздняя дата. Кто-то вырезал листы из городской летописи. А ещё — оставлял на полях маленький знак, похожий на разомкнутый круг.

Лиора достала ещё три листа, на которых кто-то старательно подчистил чернила. Две подписи относились к одной городской больнице, третья — к удалённому приходу. В архиве она научилась распознавать подделку по мелочам: разные сорта бумаги, одинаковый наклон

пера, привычка ставить запятую слишком близко к цифре. Теперь эти мелочи складывались в след. Человек, переписывавший смерти, был уверен, что чиновники сверяют только имена и номера, но не смотрят на то, как бумага стареет.

— Вы видите? — спросила она Норрена.

Начальник снял очки, долго протирал стёкла и наконец сказал, что не станет ставить подпись под её выводами. Не потому, что считал их ложными. У него была дочь, работавшая в городской управе, и в последние месяцы её дважды предупреждали о незаконных проверках. Лиора почувствовала вспышку раздражения, потом увидела в дрожи его пальцев не трусость, а страх за ребёнка.

— Я не прошу вашей подписи, — ответила она. — Только разрешите мне оставить копии.

Норрен посмотрел на дверь, словно боялся, что за ней кто-то стоит. Затем отпер нижний ящик стола и молча передал ей запасную пачку архивных листов. Этот маленький поступок не делал его смелым человеком, но оказался достаточным, чтобы Лиора продолжила искать правду.

За окном процессия несла маленький белый гроб. Лиора проводила её взглядом и вдруг увидела на другой стороне улицы мужчину в чёрном пальто. Он стоял неподвижно под дождём. Прохожие обтекали его, не замечая, а дождевые струи словно обходили стороной.

В груди неприятно потянуло. Она знала это ощущение. Так бывало перед пожаром в мастерской, когда ей исполнилось десять, и перед обвалом моста семь лет спустя. Сначала мир на мгновение становился слишком тихим. Потом следовало то, чего она не должна была пережить.

Мужчина поднял глаза. Серые. Лиора не могла разглядеть их на таком расстоянии, но знала цвет так же уверенно, как собственное имя.

— Норрен, — тихо сказала она. — Вы его видите?

Начальник подошёл к окну.

— Кого?

Лиора обернулась. Улица опустела.

Вечером она взяла домой карточки Эльсы Дорн, хотя за это могли выгнать с работы. У выхода её остановил мальчик-посыльный. Он передал конверт без печати.

Внутри была лишь узкая полоса бумаги: «Не открывай запись о собственной смерти».

И ниже — аккуратным, незнакомым почерком — стояла дата завтрашнего дня.

Дома она долго не зажигала лампу. Сквозь тонкие занавески проникал свет фонаря, превращая мебель в незнакомые силуэты. На столе лежала тетрадь матери с рецептом яблочного хлеба на последней странице. Лиора однажды пыталась его испечь, но тесто не поднялось. Она не стала выбрасывать корж — ела по кусочку всю неделю из глупого упрямства.

Теперь перед ней лежала дата. Завтра. Лиора провела по ней ногтем и почувствовала, что злится не на неизвестного отправителя, а на себя: часть её была почти благодарна за определённость. Ожидание беды утомляет сильнее, чем сама беда. Она спрятала бумагу под стакан, расправила одеяло и села на край кровати, не снимая ботинок. Если смерть собиралась прийти по расписанию, ей придётся объяснить, почему явилась без приглашения.

ГЛАВА 2. ТРИ СПОСОБА УМЕРЕТЬ

Лиора не спала до рассвета. Она положила записку на стол, разложила вокруг три ножа, а затем сама же рассмеялась над этой нелепостью. Ножи не помогли бы ей ни во время пожара, ни на мосту. И уж тем более не защитили бы от человека, способного узнать её мысли.

Каждый час ночи приносил новый, удивительно бессмысленный план. Переехать на другой конец города. Не выходить из комнаты. Напиться до беспамятства, чтобы не заметить удара. Она представляла, как мать сердится на её трусость, а затем сердилась на мать за то, что память о ней всё ещё могла командовать дочерью. Ближе к утру Лиора вымыла лицо холодной

водой, заплела волосы и выбрала плотное тёмно-серое платье с высоким воротом. Не из смелости — просто это было единственное чистое платье.

На лестнице её встретила соседка госпожа Тилл, носившая в корзине хлеб для бездомных собак. Она протянула Лиоре ещё тёплую корку и, прищурившись, спросила, почему та такая бледная. Лиора чуть не сказала правду. Почти почувствовала облегчение от мысли, что можно произнести страшное вслух. Но потом увидела, как у старухи дрожат пальцы, обветренные от холода, и ответила, что плохо спала. Страх не становился легче, если перекладывать его на людей, которые не могли помочь.

Госпожа Тилл заставила её съесть хлеб прямо на лестнице. У старухи был редкий талант приказывать таким тоном, что даже самые упрямые соседи принимали её распоряжения за советы. Она держала корзину на согнутом локте, а свободной рукой поправляла Лиоре воротник, как когда-то делала Мара.

— Ты совсем себя не бережёшь, девочка. От твоей комнаты сквозит на весь этаж.

— Мне двадцать пять, госпожа Тилл. Я уже умею закрывать окно.

— Значит, умеешь и не делаешь. Это хуже.

Лиора хотела усмехнуться, но улыбка получилась кривой. По лестнице снизу поднимался запах печёного лука; кто-то возился с замком и сердито ругался, из соседней квартиры донёсся смех ребёнка. Мир с удивительной настойчивостью продолжал заниматься мелочами, пока на столе Лиоры лежала дата её смерти. Её вдруг охватило желание задержаться здесь на час, на день, на всю жизнь, слушать спор из-за ключей, есть слишком горячий хлеб и никуда не идти.

— Вы когда-нибудь боялись умереть? — спросила она.

Старуха не стала шутить. Передвинула корзину на другую руку и села на ступеньку, хотя колени у неё были больные.

— После того как похоронила мужа, я боялась прожить ещё сорок лет. Потом родилась племянница, потом у соседей появился этот невыносимый пёс. И как-то оказалось, что мне всё ещё есть кому выносить мозг.

Лиора засмеялась, на этот раз по-настоящему. Госпожа Тилл одобрительно кивнула, будто смех был лекарством, которое ей наконец удалось заставить пациентку проглотить. На щеке старухи дрожала капля дождя, попавшая с полей шляпки. Лиора внезапно заметила седые пушистые волосы над её ухом, пухлые пальцы, след от ожога на запястье — всё то, чего прежде не замечала, хотя встречала женщину каждый день.

— Если уедешь, оставь мне ключ, — сказала Тилл. — Цветы погибнут без воды.

Лиора хотела возразить: у неё в комнате нет цветов. Но вспомнила крошечный горшок с сухой геранью на подоконнике. Старуха поливала его тайком, когда Лиора работала допоздна.

— Оставлю, — пообещала она.

И спускаясь к выходу, впервые за эту ночь подумала не только о том, как избежать собственной смерти. Она подумала о том, кому придётся объяснить её исчезновение, если избежать не удастся. Эта мысль напугала сильнее любой угрозы, потому что за ней стояли не тени и не Жнецы, а вполне живые люди, которые будут искать ключ от пустой квартиры.

В шесть утра она отправилась в архив, пока Норрен ещё не пришёл. Старый сторож Эгель впустил её и тут же уснул на стуле. Лиора прошла в хранилище личных записей. Там лежали бумаги, которые город официально запрещал показывать живым: свидетельства о несостоявшихся казнях, пропавших семьях и случаях, когда мёртвых находили дважды.

В реестре Вейнов не было её имени. Не было даже даты рождения. Между записью о браке Мары Вейн и записью о её исчезновении оставалась пустая строка. Словно кто-то прижёг бумагу, не повредив соседних букв.

— Хочешь узнать, как тебя убьют? — спросил голос из-за стеллажа.

Лиора выхватила нож.

Мужчина из-под дождя вышел на свет. На нём было то же чёрное пальто, под которым не угадывалось ни одного лишнего движения. Лицо — слишком бледное для живого. В уголках глаз не было усталости, но взгляд напоминал человека, видевшего больше, чем способен вынести разум.

Его присутствие изменило всё помещение. Даже книжная пыль казалась замершей в воздухе. Мужчина был настолько высоким, что под сводчатым потолком узкого хранилища вынужден был чуть опустить голову. Чёрные, прямые волосы лежали у воротника тяжёлого пальто, серебристо-серые глаза смотрели без привычной человеческой суеты. Тонкие губы не выдавали ни раздражения, ни любопытства; под скулой, слишком резко очерченной на бледном лице, едва заметно двигалась тень от лампы.

Лиоре захотелось отвести взгляд — и потому она не отвела. Красота незнакомца была холодной, словно высеченной из камня, который ещё не успел согреться на солнце. Но больше всего пугало другое: его глаза не скользили по её лицу, выбирая, как оценивают незнакомку. Он смотрел так, будто видел внутри неё строчку, которую никто не должен был прочесть. Она стиснула рукоять ножа и обнаружила, что пальцы онемели.

— Кто вы?

— Тот, кому поручено тебя забрать.

— У меня назначена встреча только с начальником.

— Ты шутишь, когда боишься.

Её испуг превратился в раздражение.

— А вы входите без разрешения, когда не умеете разговаривать?

Он смотрел на лезвие, не проявляя интереса.

— Моё имя Сайрен. Я седьмой Жнец.

Она слышала сказки о Жнецах с детства. Семь существ без возраста, семь последователей последнего колокола. Священники изображали их чудовищами; погребальщики — молчаливыми проводниками. Но ни в одной версии они не выглядели как мужчина, который мог бы стоять в очереди за хлебом, если бы не абсолютная неподвижность его лица.

— Тогда приходите после завтрака.

— Лиора Вейн. Ты должна была умереть при рождении.

Она перестала улыбаться.

— Это невозможно.

— За двадцать пять лет ты избежала семи назначенных исходов. Пожар. Обвал. Лихорадка. Три покушения, о которых тебе известно. И одно, о котором нет.

Сайрен протянул руку. На его ладони вспыхнула тонкая светлая линия. Она потянулась к Лиоре и распалась, не коснувшись кожи.

Он впервые нахмурился.

— Я чувствую своё имя в твоём сердце.

Из дверей послышался удар. Сторож Эгель, тот самый сонный Эгель, упал на пол, схватившись за горло. Лиора бросилась к нему. Из его рта выступила тёмная пена.

В одно мгновение Лиора перестала замечать боль в ушибленном колене. Эгель лежал неловко, подогнув руку. Ещё утром он ворчал на городских мальчишек, которые крали груши из его сада, и обещал принести ей компот. Теперь его рот беззвучно искал воздух. Лиора приподняла его голову, повторяла имя, считала паузы между вздохами. Ей доводилось видеть смерть, но раньше всегда оставалось хотя бы несколько минут между чужой бедой и её собственным участием.

— Посмотри на меня, Эгель. Вот так. Не закрывай глаза.

Он попытался улыбнуться. На мгновение она узнала в этом лице старого человека, который боялся не смерти, а того, что не успеет выполнить обещание. Пальцы соскользнули с её рукава; дыхание стало таким слабым, что Лиора не была уверена, слышит ли его. Из тишины

выступил резкий щелчок механизма часов — почти оскорбительный. Она подняла голову к Сайрену с дикой надеждой, что у того найдётся исключение из правил. Но он стоял неподвижно.

— Помогите!

Сайрен опустился на колено, приложил пальцы к запястью старика и остановился.

— Его час изменили.

— Сделайте что-нибудь!

— Я сопровождаю. Не возвращаю.

Эгель умер у неё на руках. На пальцах покойного чернилами был выведен разомкнутый круг. Лиора подняла голову к Жнецу.

— Кто это сделал?

— Не человек.

Он посмотрел на письменный стол, где лежал раскрытый реестр.

— И если хочешь дожить до вечера, пойдёшь со мной.

ГЛАВА 3. ДВЕРЬ ЗА ПОСЛЕДНИМ ВДОХОМ

Сайрен не просил доверия. Он лишь сообщил, что любой, кто ищет Лиору, уже знает её адрес и имя начальника. Когда она попыталась возразить, в дальнем окне мелькнула фигура в сером капюшоне. Стекло почернело, словно его подержали над огнём. На полу расцвёл знакомый знак: разомкнутый круг.

За несколько минут Лиора собрала в сумку самое необходимое: записную книжку, карандаш, платок, старую фотографию матери, которую всегда носила с собой, и карточку Эгеля. Последнюю Сайрен заметил, но не стал спрашивать. Пока она застёгивала сумку, он стоял возле окна и следил за улицей, где собиралась толпа. В его неподвижности было не презрение к опасности, а внимание хищной птицы; только теперь Лиора поняла, что его взгляд не пропускает даже отражения в лужах.

Она попыталась уместить в дорожную сумку ещё и толстый архивный том, но кожа жалобно натянулась, и Сайрен впервые проявил нечто похожее на недоумение.

— Ты берёшь чужие записи в бегство?

— Это мой рабочий материал. Я должна вернуть его Норрену.

— Он может не пережить сегодняшний день.

— Том или Норрен?

Сайрен посмотрел на неё. Лиоре не понравилось, что ответ не последовал сразу. Она вынула книгу и положила на стол рядом с ножом. Тот был неприметным, с потертою деревянной рукоятью; мать когда-то учила её чистить им яблоки. Забавно, что сейчас он казался единственным предметом, способным убедить её в собственной самостоятельности.

В коридоре за дверью послышался скрип половиц. Оба замолчали. Сайрен не повернул головы, но в нём что-то переменилось: плечи остались неподвижными, зато взгляд стал совершенно пустым, устремлённым словно сквозь стену. Лиора обнаружила, что даже не дышит.

Шаги удалились. Это оказался сторож, волочивший по полу ведро. Девушка резко выдохнула и почувствовала, как дрожит рука, которой держит застёжку сумки. Ей было стыдно за этот страх перед человеком, привыкшим смотреть в лицо смерти. И одновременно хотелось, чтобы он заметил и сказал хотя бы одно ненужное, утешительное слово.

Сайрен наклонился к её старой фотографии. На снимке Мара стояла возле яблони, заслоняя глаза от солнца. Лиора знала каждый изгиб её улыбки, но с годами перестала помнить голос.

— Она выглядела счастливой, — произнёс Сайрен.

— Значит, у тебя есть глаза. Полезное качество.

— Я не хотел тебя обидеть.

Грубый ответ уже был готов, но что-то остановило Лиору. Он сказал это без привычной точности закона, почти осторожно. Ей стало неловко, словно она толкнула человека, который не знал, что нужно приготовиться к удару.

— Я не обиделась. Просто не люблю, когда чужие говорят о моей матери так, будто знали её.

— Я видел её однажды.

У Лиоры потемнело перед глазами. Она схватила фотографию.

— Когда?

Сайрен выдержал её взгляд.

— В ночь твоего рождения. О большем расскажу, когда мы выйдем отсюда.

Она почувствовала новый, совсем иной страх: не перед смертью, а перед правдой, которая всё это время жила рядом и не имела имени. Лиора сунула снимок в сумку и застегнула замок одним резким движением. Уходить по-прежнему было страшно, но оставаться с этим вопросом в закрытой комнате казалось ещё хуже.

— Ты умеешь бояться? — спросила она, не поднимая головы.

— Я умею определять угрозу.

— Это другое.

Он ничего не ответил. Лиора затянула ремень сумки так сильно, что побелели костяшки. Ей хотелось найти в нём хоть один человеческий недостаток — не для того, чтобы облегчить себе бегство, а чтобы перестать чувствовать, будто она отправляется неизвестно куда в сопровождении собственного надгробия.

— Это метка взыскания, — сказал Сайрен. — Кто-то собирает чужие годы.

— Что значит «собирает»?

— Человеку назначено пятьдесят лет. Он умирает в двадцать. Оставшиеся тридцать должны вернуться в течение мира. Но их можно удержать.

— И что с ними делают?

— Покупают невозможное.

Он приложил ладонь к стене. Каменная кладка не раздвинулась, не рассыпалась — просто перестала быть стеной. За ней лежал узкий переулок, которого Лиора никогда не видела. Серые дома стояли без окон; над мостовой плыл туман, а высоко в небе висели семь неподвижных колоколов.

— Куда это ведёт?

— В Междумирье. Оно не принадлежит ни живым, ни умершим.

Лиора остановилась на пороге.

— Я не уйду, пока не похороню Эгеля.

Сайрен оглянулся на тело старика. На лице его ничего не изменилось, и это злило сильнее, чем любые жестокие слова.

— Он уже не чувствует оставленного тела.

— А я чувствую.

Молчание длилось достаточно долго, чтобы Лиора решила, что он просто уйдёт. Но Сайрен неожиданно поднял старика на руки и отнёс в комнату с деревянной скамьёй. Сложил его руки на груди, накрыл своим же серым плащом, найденным у вешалки.

— Ты тратишь драгоценное время, — сказал он.

— Оно моё.

— Ты пока не знаешь, насколько это спорное утверждение.

Они вошли в проход. Лиора ощутила, как у неё на мгновение исчез вес. Когда она снова смогла вдохнуть, городской шум остался по ту сторону стены. На улице Междумирья медленно шёл мужчина с пустой клеткой в руках; за ним двигалась девочка, державшаяся на расстоянии трёх шагов. Ни один не отбрасывал тени.

В самом переходе Лиора на миг увидела чужую жизнь, будто кто-то раскрыл перед ней иллюстрированную книгу. Молодая женщина сушила бельё во дворе; мальчик у её ног упрямо пытался завязать шнурки; мужчина за стеной смеялся так громко, что дрожала миска на столе. Видение исчезло прежде, чем Лиора успела понять, кто эти люди. Она остановилась, держась за холодный камень.

— Здесь всё так? — спросила она. — Чьи-то минуты показывают каждому, кто проходит?

— Нет. Тебя слышат те, кого ты записала, — ответил Сайрен. — Их воспоминания отзываются на твоё имя.

Лиора растерялась. Она никогда не думала, что карточки безымянных людей способны стать для них дорогой. В её работе не было героизма: много грязной бумаги, усталости, жалоб начальства. Но сейчас неизвестная женщина с бельём успела доверить ей одну минуту своего существования. Лиора вынула из сумки карандаш и записала всё, что увидела, пока подробности не поблекли.

— Ты боишься забыть? — спросил Сайрен.

— Очень.

— Я никогда не забываю.

В его голосе не было гордости. Лиора подняла голову и увидела, что это признание не дар, а тяжесть, которую ему приходится носить в одиночку.

Междумирье не встретило её ни стоном мертвецов, ни мраком, о котором рассказывали проповедники. Там пахло мокрым камнем, железом и чем-то неожиданно домашним — остывающим молоком. Над улицей висели невидимые нити, дрожавшие от каждого шага прохожих. Некоторые из них светились. Другие терялись в тумане, словно их держали пальцы, которых уже не существовало.

Лиора остановилась у витрины пустой булочной. На стекле кто-то вывел: «Открыто вчера». За ним стоял буфет с тремя чашками; одна была перевёрнута. Девушка с косой цвета пшеницы смотрела на чашки и осторожно улыбалась, будто ожидала, что сейчас войдут её близкие. Лиора хотела спросить, сколько она здесь, но Сайрен положил ладонь на её плечо.

— Не все знают, что ждут, — сказал он. — Не давай обещаний тем, чьего пути ты не можешь видеть.

— А если они просто хотят, чтобы их выслушали?

Он посмотрел на девушку за стеклом, и на мгновение бесстрастное лицо стало усталым.

— Тогда выслушай. Но не решай за них, куда им следует идти.

Лиора запомнила эти слова. Позже они окажутся важнее большинства законов, которые она услышит в Пределе.

— Они умерли? — спросила Лиора.

— Некоторые ожидают проводника. Другие — воспоминания живых. Те, кого некому вспомнить, задерживаются дольше всех.

Это объяснение было слишком будничным. Лиора вдруг подумала о стеллажах архива: тысячи карточек, благодаря которым кто-то на земле всё ещё помнил об умерших.

— Значит, моя работа была не совсем бесполезной.

Сайрен взглянул на неё по-новому.

— Нет, — сказал он. — Не была.

Впервые она услышала в его голосе не закон, а человеческий ответ.

ГЛАВА 4. СЕМЬ КОЛОКОЛОВ

Зал Предела не был дворцом. Он напоминал старую железнодорожную станцию, которой никогда не касались поезда. Вокруг центральных часов тянулись галереи с дверями. За одними слышался плач, за другими — смех, за третьими стояла тишина, от которой стыло в костях.

К станции вели семь широких лестниц, и по каждой поднимались души с разными проводниками. На одной из лестниц сидел солдат без руки и терпеливо ждал женщину, кото-

рой помогал застегнуть плащ. На другой старик разговаривал с невидимой собакой. Никто не бежал, хотя часы над ними вращались с невыносимой быстротой. Звон колоколов не раздавался; Лиора лишь чувствовала его где-то у рёбер, как далёкую дрожь большого инструмента.

Сам зал был строгим: тёмный гранит, стол без углов, семеро пустых кресел, расставленных так, чтобы ни одно не стояло выше других. Между стенами медленно проходили светлые полосы, напоминавшие строчки на ещё не написанных страницах. Лиора выросла среди архивных полок и сразу узнала в этом месте бюрократию, возведённую в ранг вечности. Её испуг от этого не уменьшился; просто стал понятнее. Она увидела, что даже бессмертные создают порядок из мебели, очередей и записей, потому что иначе не умеют обращаться с неизвестным.

Над гранитным полом висел едва заметный туман. Он не скрывал лестниц, но делал расстояния обманчивыми: старик на дальнем пролёте казался маленькой фигуркой на картине, пока не произнёс имя жены. Тогда голос прозвучал возле самого уха Лиоры, и она обернулась. В Пределе, подумала она, никто не мог спрятаться за тем, что беда происходит далеко.

Одна из душ, юноша с залатанным локтем, несла под мышкой буханку хлеба. Он держал её крепко, словно собирался отнести домой. Когда Лиора спросила, зачем ему хлеб, юноша смущённо объяснил, что мать попросила купить его перед тем, как его сбила карета. Он всё ещё пытался закончить поручение. Сайрен остановился рядом и несколько мгновений смотрел на несостоявшийся ужин.

— Вы можете отдать его здесь, — сказал он и показал на низкую каменную нишу у стены.

Лиора ожидала, что хлеб превратится в пепел. Ничего подобного не случилось. Юноша осторожно положил буханку на холодный камень, провёл по корке ладонью и только после этого пошёл дальше. На следующей ступени его плечи расправились. Казалось, ему стало легче не от потери вещи, а от разрешения оставить её.

— Что будет с хлебом? — спросила Лиора.

— Он останется до тех пор, пока память о поручении важна ему. Потом исчезнет.

— А мать?

Сайрен посмотрел на неё тем непроницаемым взглядом, который уже раздражал Лиору.

— Мать останется живой, если её срок не завершился.

— Я не об этом. Она будет ждать.

Он склонил голову. Впервые она увидела, что вопрос, не содержащий просьбы изменить закон, тоже способен поставить его в тупик. Его лицо было красивым резкой, почти суровой красотой: впалые скулы, прямой нос, твёрдая линия губ. Серые глаза не отводились от ниши, как будто там было написано правило, которого он пока не умел прочесть.

— Мы не можем доставлять сообщения каждому, — сказал он.

— Я знаю. Но хорошо бы хотя бы один раз объяснить, что человек не ушёл нарочно.

Они двинулись к столу Совета. Лиора чувствовала под подошвами холод гранита и слышала отдалённое перекатывание семи разных колокольных нот. Там, где она привыкла видеть страшную безличную черту, оказалась почти обыкновенная человеческая суета. Кто-то поправлял воротник, кто-то плакал, кто-то вспоминал, что не выключил чайник. И ужас этой суеты состоял в том, что ни одному из них больше не предстояло вернуться и закончить начатое.

Когда шесть Жнецов обернулись к ней, девушка автоматически поправила воротник. Дурацкий, человеческий жест. Она тут же опустила руку, решив, что не станет просить у них разрешения занимать место, которое уже заняла собственными ногами.

Шесть фигур ожидали у огромного стола. Женщина с седыми косами — первая Жница Иара; юноша с золотистыми глазами — второй, Теон; близнецы, брат и сестра Керн и Сел; старик с седыми руками, назвавшийся Эротом; и последний — худой мужчина с серебряным перстнем. Он улыбался слишком легко для этого места.

— Малхир, — представился он. — Рад, что Сайрен привёл нашу ошибку домой.

Лиора терпеть не могла слово «ошибка».

— Я обычно прихожу туда, где меня ждут, по собственной воле.

— Поверьте, здесь вас ждали давно, — ответил Малхир.

Иара положила на стол пустой лист. Вокруг него дрогнул воздух, и возникла тонкая чернильная линия с датой рождения Лиоры. Дальше бумага оставалась чистой.

— У неё нет последнего часа, — сказала первая Жница. — Но её существование не может быть бессрочным. Не без последствия.

Сайрен сообщил о смерти Эгеля. При упоминании знака разомкнутого круга Малхир наклонил голову, почти с любопытством.

— У смертных всегда находятся свои тайные общества, — заметил он.

— Метка сделана языком границы, — возразил Сайрен.

— Ты не первый раз путаешь человеческую магию с древней.

Иара велела исследовать дело. До этого Лиора должна была оставаться под надзором Сайрена. Её сердце носило его имя, и лишь он мог почувствовать, если кто-то приблизится к нему.

— Похоже на тюрьму, — сказала Лиора.

— Похоже на шанс остаться живой, — ответил Сайрен.

Когда они вышли, Малхир догнал её на лестнице.

— Не позволяйте ему внушить вам, что смерть всегда справедлива, — сказал он тихо. — Некоторые законы были написаны давно и не теми, кто в них нуждался.

— Вы предлагаете изменить законы?

— Я предлагаю сначала спросить, кому они выгодны.

Его улыбка не достигла глаз. На перстне был вырезан почти незаметный разомкнутый круг. Лиора увидела знак, но промолчала. Не из осторожности — из внезапного понимания, что здесь каждый знает больше, чем говорит.

На выходе Лиора обратила внимание, как по-разному её провожают. Иара опустила седую голову, словно примеряла на неё ответственность, которой никто не желал. Теон чуть отвёл взгляд — не из равнодушия, а из стыда. Малхир улыбался и наблюдал за её руками. Ему было важно, спрятала ли она дрожь, а не то, что чувствовала. Сайрен же смотрел на открытые двери. Он проверял дорогу для них обоих.

— Ты ему не доверяешь, — заметила Лиора, когда они остались вдвоём.

— Я не доверяю излишней лёгкости, с которой он говорит о чужих потерях.

— Ты сам говорил о них легко.

Сайрен остановился. Эта простая несправедливость задела его больше, чем она ожидала.

— Я говорил точно.

— Иногда это звучит одинаково.

Он не стал спорить. Ощущение странной победы быстро прошло: Лиора поняла, что ей не хочется ранить его, хотя ещё вчера она была бы рада причинить Жнецу хоть какое-нибудь неудобство.

После выхода из Совета Лиора задержалась у ниши, куда юноша положил хлеб. Буханка всё ещё лежала там. Она казалась удивительно настоящей на фоне гранита, словно кто-то оставил покупку посреди величественного храма. Рядом появился маленький деревянный гребень, чуть дальше — шитая детская варежка. Умершие приносили с собой последние поручения, случайные вещи, неоконченные надежды. И Предел на какое-то время хранил всё это, не спрашивая разрешения у закона.

Лиора присела, рассматривая варежку. Одна пуговица была пришита красной ниткой, другая держалась на синей. Её мать часто так делала, когда дома заканчивались одинаковые нитки. Девушка почувствовала резкий укол памяти и поднялась прежде, чем Сайрен успел заметить слёзы.

— Ты думаешь, это бесполезные вещи? — спросила она.

— Они не меняют назначения душ.

— Я не спросила, меняют ли. Скажи, тебе никогда не хотелось знать, почему человек держится за пустяки?

Сайрен посмотрел на хлеб. Его глаза, казавшиеся серыми в зале Совета, в нижней галерее приобрели оттенок мокрого камня. Он нахмурился — не сердито, а так, словно перед ним впервые появилось уравнение без готового решения.

— Я видел людей, которые не хотели расставаться с вещами. Я называл это привязанностью.

— А как бы ты назвал то, что я храню фотографию матери?

Он перевёл взгляд на её дорожную сумку.

— Памятью.

— Вот именно. Иногда вещи нужны не для того, чтобы их использовать. Чтобы было за что ухватиться, когда всё остальное исчезло.

По лестнице поднималась старушка, держа пустую клетку для птицы. Она остановилась возле ниши, поставила клетку на камень и наконец распрямилась. Лиора увидела, как непривычно легко стала её походка, словно старушка несла не предмет, а обещание, от которого теперь имела право освободиться.

Сайрен проводил её взглядом и долго не произносил ни слова. Когда они подошли к двери в часовую галерею, он неожиданно придержал её, чтобы Лиора прошла первой. Прежде он делал это безупречно, как человек, знающий порядок церемоний. На этот раз оглянулся, словно проверяя, не задела ли её тяжёлая створка. Лиора улыбнулась. Это тоже была мелочь. Но она заметила её.

ГЛАВА 5. КОМНАТА С НЕПРАВИЛЬНЫМ ОКНОМ

Сайрен поселил её в комнате над часовой галереей. Окно выходило на улицу детства Лиоры, хотя она знала, что здание находится за границей мира. Внизу торговка несла корзину яблок; за ней шёл мальчик с перевязанным пальцем. Никто не видел девушку, наблюдавшую за ними с другой стороны существования.

Комната была небольшой, но не бедной. Между узкой кроватью и письменным столом оставался проход в два шага. На столе стояла лампа с матовым стеклом, у стены — тёмный шкаф, пахнущий сухой полынью. В нише под окном помещался низкий подоконник; на нём лежала подушка цвета выцветшего индиго. Кто-то предусмотрительно поставил у кровати кувшин с водой, а рядом — две чашки, хотя Лиора прибыла одна.

Она провела пальцем по крышке кувшина. На глине остался след старого обжига, похожий на маленькую звезду. Матери нравились такие вещи: не идеальные, не заслуживающие витрины, но сделанные чьими-то руками. Лиора вдруг с болезненной ясностью вспомнила, как Мара однажды подала ей кривую чашку и сказала, что это самая красивая посуда в доме, потому что мастер не побоялся её закончить.

Из часовой галереи снизу доносился ровный механический шум. Не тиканье одного механизма — скорее сотни шагов, идущих в разном темпе и всё же не сталкивающихся. Лиора попробовала закрыть дверь плотнее, но звук остался. Она поняла, что здесь никогда не бывает полной тишины: даже отсутствие голоса у Предела наполнено чужим временем.

Над кроватью висело зеркало в узкой раме. В нём отразилась девушка с потрёпанными тёмными волосами, янтарными глазами и тонким шрамом у левой брови. Волосы после бегства торчали во все стороны. На вороте платья засохла грязь. Лиора привычным жестом спрятала выбившуюся прядь, потом остановилась. Здесь не было никого, перед кем следовало бы выглядеть собранной. Кроме мужчины, которому, казалось, было совершенно всё равно, как выглядят люди.

Сайрен стоял у двери. Он не входил без её приглашения и не уходил. Из-за этого невежливое молчание превратилось в нечто почти уважительное. Лиора показала на вторую чашку.

— Это для меня и моей тени?

— Здесь часто оставляют место тому, кого ещё ждут.

Ответ заставил её оглядеться по-новому. Она не стала спрашивать, кого именно ждали в этой комнате. Подошла к окну, положила ладонь на холодное стекло и попыталась узнать улицу, которой не могло быть за стенами Предела. Внизу ребёнок запнулся на мостовой, и женщина подняла его за локти. Лиора почувствовала, как болезненно стянуло грудь. Столько привычных жестов уже осталось за ней, а она даже не успела попрощаться.

— Это воспоминание? — спросила Лиора.

— Один из возможных взглядов на прошлое.

— И ты можешь выбирать, что видеть?

— Нет. Окно показывает то, чего тебе не хватает.

Ей не хватало матери. Мара исчезла, когда дочери исполнилось одиннадцать. Лиора помнила, как мать запрещала ей рассказывать о чудесных спасениях и заставляла записывать имена умерших, даже если те были совершенно незнакомы. В детстве казалось, что это странный обряд. Теперь он обрёл смысл.

Пока окно показывало улицу, Лиора пыталась вспомнить лицо Мары без помощи старой фотографии. Сначала возникал только силуэт: женщина, подогнувшая ноги на кухонном стуле, волосы собраны небрежно, плечи наклонены к дочери, чтобы услышать тайну. Потом вспоминались руки — сильные, в мелких ожогах от печи, с вечной полоской чернил на среднем пальце. Мара не терпела беспорядка на столе, но её собственные записи лежали повсюду. Она могла разбудить дочь среди ночи ради метеорного дождя и тут же всерьёз поссориться из-за незакрытого окна.

После исчезновения Лиора сначала берегла каждую вещь матери. Потом из злости избавилась от половины, а оставшиеся спрятала так далеко, что порой не могла найти. Ей понадобились годы, чтобы понять: память о близком человеке не становится предательством от того, что ты иногда смеёшься, не думая о нём. Только понять и поверить — разные вещи.

На подоконнике лежала маленькая чашка с чаем. Лиора не видела, чтобы Сайрен принёс её.

— Ты пьёшь чай? — спросила она.

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что мне нужен?

— Ты дрожишь. В архиве люди предлагают друг другу горячее, когда не знают, как помочь.

Она коснулась чашки. Чай был слишком крепким, но по-настоящему горячим.

Ночью Лиора проснулась от скрипа. За дверью кто-то произнёс её имя голосом матери. Она бросилась к ручке, но остановилась: на пороге лежала тонкая полоска бумаги, оставленная Сайреном. «В Междумирье голоса знают то, чего ты желаешь. Не открывай без вопроса, на который ответ известен только живому».

— Мама? — прошептала Лиора.

— Я здесь, девочка.

Голос был точным. Даже дыхание между словами — тем самым, которое мать прятала за улыбкой, когда болела.

— Каким было наше последнее утро?

Тишина.

— Открой, — потребовал голос. — Мне холодно.

Лиора отступила от двери. Утром исчезновения Мара не попрощалась. Они поссорились из-за разбитой чашки, а потом мать ушла за хлебом. Именно поэтому вопрос оказался ловуш-

кой для той, кто её задавал: настоящая мать могла ответить, но никогда не потребовала бы открыть дверь раньше ответа.

Сайрен появился в коридоре на рассвете и увидел, что Лиора сидит на полу, прислонившись к двери. Он ничего не сказал. Просто сел рядом — так непривычно и неловко, словно прислушивался к чужому правилу поведения.

Когда он сел рядом, складки чёрного пальто легли на каменный пол, и Лиора заметила тонкую серебристую вышивку вдоль манжет. Ни одна нитка не была оборвана. Его одежда казалась неподвластной износу так же, как он сам. Он устроился неловко, оставив между ними ширину ладони. Для человека, привыкшего объявлять окончательные решения, это расстояние было странно осторожным.

— Если я усну, голос вернётся? — спросила Лиора.

— Возможно.

— Умеешь ты успокаивать.

— Я предупреждаю.

Она прислонилась затылком к двери. Сайрен не предлагал невозможного; не говорил, что мать жива или что весь страх непременно пройдёт. Сидел, следя за коридором, а в какой-то момент снял своё пальто и укрыл ей колени. Лиора хотела пошутить, что это противоречит его строгой манере, но поймала себя на том, что держит край ткани пальцами и не желает отпускать.

Под утро она задремала. Последним запомнившимся ощущением был едва уловимый запах его одежды — чистый воздух после дождя, без духов и табака, — и уверенность, что пока он рядом, дверь останется закрытой. Это была ещё не доверие. Скорее право хотя бы ненадолго перестать охранять себя самой.

— Я не умею утешать, — признался он спустя долгое время.

— Тогда просто посиди.

Он остался.

К вечеру Лиора снова задремала и проснулась от звука часов. В комнате не было ни одного собственного механизма, а гул часовой галереи за стеной менялся так, словно кто-то перебирал тысячи маленьких стеклянных шариков. Окно теперь показывало пустую улицу детства. У подъезда их старого дома стояла та самая деревянная скамья, которую Мара однажды пыталась покрасить зелёной краской, да так и не закончила. От узнавания Лиоре стало больно.

Сайрен по-прежнему сидел у двери. Он не спал, но и не следил за ней с настороженностью. Казалось, просто выдерживал присутствие другого человека — занятие, к которому за тысячелетия не приобрёл навыка.

— Ты можешь уйти, — сказала Лиора. — Я не собираюсь разбивать окно и возвращаться по памяти.

— Я не удерживаю тебя.

— Тогда почему сидишь здесь?

Он подумал.

— Ты попросила.

Она вспомнила собственное «просто посиди». Слова были сказаны в минуту, когда больше нечего было просить. Лиора села на кровати, обхватив колени. У самой двери горела лампа, разделяя его лицо на светлую и тёмную половины. В другой жизни такая сцена показалась бы ей пугающей. Сейчас в нём было что-то невероятно трогательное: бессмертный Жнец исполнял единственную просьбу, которую мог выполнить без магии.

— А ты когда-нибудь просил кого-нибудь остаться? — спросила она.

— Нет.

— Даже когда было трудно?

— Мне не приходилось признавать, что трудно.

Лиора посмотрела в окно. На улице мальчик поднимал с мостовой упавшую шапку. Это был не тот мальчик, которого она знала, и всё же рука потянулась к стеклу. Ей вдруг захотелось рассказать Сайрену о первой книге, которую она прочла без помощи матери, о том, как в двенадцать лет прятала слёзы среди старых рукописей. Но не хватило смелости.

— Когда-нибудь ты тоже можешь попросить, — сказала она вместо этого.

Сайрен задержался у спинки стула, словно её слова потребовали от него действия, которому не было названия. Просьбы живых он слышал постоянно. «Постой», «скажи, что будет не больно», «передай дочери». Он исполнял то, что входило в его долг, а остальное уносил за Последнюю границу вместе с молчанием. Никто ещё не предлагал ему самому попросить о чём-нибудь.

— Ты когда-нибудь боялся оставаться один? — спросила Лиора.

Он уже приготовил ответ: нет. Но взгляд упал на вторую чашку у кровати. Её оставили здесь до их прихода. Возможно, кто-то знал, что у каждого гостя Предела существует хотя бы одно желание, о котором он не говорит.

— Я не знал, что одиночество может быть чувством, — признался он. — Думал, это просто отсутствие других.

Лиора вспомнила вечера в архиве, когда запирала дверь изнутри и разговаривала с книгами, лишь бы услышать собственный голос. Ей захотелось рассказать ему об этом, но признание показалось слишком личным. Вместо этого она протянула вторую чашку. Вода в кувшине была прохладной, на глине остался след от её пальца.

— Тогда попробуй посидеть не потому, что обязан меня сторожить.

Сайрен принял чашку, хотя пить не собирался. Он сел так осторожно, будто в этом выборе заключалось нарушение правил. Лиора поймала себя на том, что ждёт звука его голоса, и удивилась: всего вчера его присутствие мешало ей дышать спокойно. Теперь рядом с ним тишина впервые не казалась пустой.

Когда она поправляла одеяло, рукав задрался и открыл старый белёсый след ожога на запястье. Сайрен заметил его, но не спросил, как он появился. Лиора почувствовала благодарность за это невысказанное любопытство. Ей нравилось, что он учится не брать чужую историю без приглашения. Ещё больше пугало, что ей захотелось однажды пригласить его самой.

Сайрен придвинул стул немного ближе, чтобы ей не приходилось повышать голос. Лиора легла обратно. Часы продолжали идти; за неверным окном горел чужой свет. Она уснула с непривычным чувством, что даже среди бесконечного множества смертей у неё есть место, где можно не говорить ни слова.

ГЛАВА 6. ТЕЛО, КОТОРОЕ НЕ ДОЛЖНО БОЛЕТЬ

Первую нить они нашли в городской больнице для бедняков. Лиора настояла на возвращении в Вальден, и Сайрен провёл её через узкую дверь в часовне, которую она прежде принимала за кладовую.

Больница размещалась в бывшей фабрике; в коридорах не хватало света, зато всегда хватало голосов. Между кроватями ходили сёстры в серых передниках, у некоторых на пальцах оставались ожоги от постоянной дезинфекции кипятком. За окном тянулись трубы, и над ними небо было цвета разбавленного молока. Лиора бывала здесь после обвала моста, но до сих пор помнила, как чужая женщина сидела у её кровати и читала вслух пустую газету, лишь бы не дать испугаться.

Сайрен не умел быть незаметным. В его присутствии люди приглушали разговоры, хотя никто, кроме Лиоры, не понимал почему. Мужчина в третьей палате поднял голову, произнёс имя умершей жены и улыбнулся. Мальчик с забинтованными ногами перестал плакать. Лиора заметила, как Сайрен задерживает взгляд на каждом из них, и впервые подумала о том, сколько прощаний должно быть заключено в его памяти. Если бы ей пришлось хранить даже сотую часть, она давно перестала бы спать.

Вдоль больничного коридора тянулись окна с мутными стёклами. Свет проникал сквозь них полосами, отражаясь в ведрах с водой. У стойки дежурила сестра Мирта, сухопарая женщина с аккуратно уложенными седыми волосами. Лиора знала её ещё по архивным запросам: Мирта каждый месяц присылала списки безымянных умерших и никогда не позволяла сокращать фамилии ради экономии бумаги.

— Ваша больная в конце коридора, — сказала она. — Но сначала наденьте чистые повязки. У нас здесь и без посторонних достаточно заразы.

Мирта окинула Сайрена внимательным взглядом. Он был выше всех в коридоре; тёмные волосы прямыми прядями лежали у воротника, пальто оставалось без единой капли грязи после перехода через улицы, размокшие от дождя. Под глазами залегли едва заметные тени. Лиора поймала себя на том, что замечает его усталость раньше, чем он сам.

— А вы, молодой человек, поесть не хотите? — спросила сестра.

— Нет необходимости.

— Как же, — фыркнула Мирта. — Врачи у нас тоже так говорят, а потом падают в обморок у лестницы. Садитесь хотя бы на минуту.

Сайрен, к удивлению Лиоры, послушался. На старой скамье рядом с ним оказалась девочка лет шести с огромным бинтом на руке. Она смотрела на его чёрное пальто без обычного детского страха.

— Ты священник? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему у тебя одежда, как у похоронщиков?

Лиора закашлялась, пряча улыбку. Сайрен повернулся к ребёнку с такой серьёзностью, будто вопрос требовал решения Совета.

— Мне привычен этот цвет.

— Маме тоже. Она говорит, что чёрное скрывает грязь. Только у тебя грязи нет.

Девочка показала ему маленькую деревянную птицу без одного крыла. Сайрен осмотрел поломку, приложил крыло так точно, что оно удержалось на место без клея. Он не использовал магии — просто нашёл паз, который ребёнок не заметил. Девочка обрадованно ахнула, а Мирта посмотрела на гостя уже иначе.

Лиора увидела короткое движение его пальцев, осторожность, с которой он вернул игрушку. Нельзя было назвать это добротой в человеческом смысле; скорее сосредоточенностью на маленькой задаче, которую ему доверили. Но ребёнок улыбнулся, и Сайрен задержал взгляд на этой улыбке дольше необходимого. Позднее Лиора вспомнит именно это мгновение, когда станет рассказывать ему, что сострадание не всегда рождается из великой боли. Иногда достаточно вернуть птице крыло.

На койке у окна лежала Эльса Дорн — торговка, чью смерть дважды записали в архив. На этот раз она была жива, но истощена до прозрачности. Дочь Эльсы, Нина, держала возле подушки мокрую тряпку.

— Мама умерла в прошлый понедельник, — сказала девушка. — А потом открыла глаза. Врачи сказали, что ошиблись. Только она больше не узнаёт меня.

Эльса смотрела в потолок. В уголке её рта темнело пятно. Лиора раскрыла карточку, и женщина неожиданно вцепилась ей в руку.

— Он взял моё завтра, — прохрипела она. — Сказал, я не замечу.

— Кто?

Эльса вытянула палец в сторону Сайрена. Жнец застыл.

— Не он, — сказала она. — Тот, кто носит чужое лицо.

Её дыхание оборвалось. Сайрен, привычно готовый проводить душу, поднял руку — и вдруг пошатнулся. На миг он едва удержался на ногах. Лиора успела подхватить его за локоть.

Его кожа оказалась тёплой.

— Ты ранен?

— Это невозможно.

Она видела на его пальцах тонкие красные следы от собственных ногтей. Там, где кожа Жнеца должна была оставаться неизменной, выступила кровь.

Душа Эльсы поднялась, похожая на слабый огонёк. Сайрен всё же открыл перед ней проход. Нина не увидела света, но почувствовала облегчение, когда он ушёл: воздух в комнате перестал давить на грудь.

Во дворе Сайрен медленно опёрся о каменный столб.

Он попытался спрятать ладонь в рукав, но пальцы дрожали. Лиора поймала его за запястье. Между их кожей прошла короткая, слишком живая волна тепла; она неожиданно осознала, что держит не символ, не легенду и даже не союзника, а руку мужчины. На внутренней стороне запястья проступила тонкая синяя жилка. Казалось, весь мир сдвинулся на несколько миллиметров, чтобы вместить эту подробность.

— Покажи, — сказала она, разжимая его пальцы.

— Это не повреждение, требующее помощи.

— Ты только что едва упал.

Он упрямо опустил глаза. Лиора достала платок — белый, с выцветшими инициалами матери — и аккуратно прижала к царапине. Сайрен смотрел на её сосредоточенное лицо слишком долго. Она почувствовала это и вдруг не смогла вспомнить, что собиралась сказать. Сама на себя рассердилась: у человека проблема, а она замечает, как в серых глазах отражается свет окна.

— Ты всегда так делаешь? — спросил он.

— Как?

— Касаешься того, что причиняет боль, будто можешь взять часть себе.

Она слабо улыбнулась.

— Нет. Обычно я ругаюсь, пока перевязываю.

Он чуть наклонил голову, изучая улыбку. И Лиора поняла, что ей хочется увидеть выражение, которое появится на его лице, когда он однажды перестанет изучать её и просто улыбнётся в ответ.

— Что с тобой? — спросила Лиора.

— Моё истинное имя живёт в тебе. Когда ты сопротивляешься краже времени, часть того, что удерживает меня вне человеческой жизни, возвращается в тело.

— То есть ты становишься живым?

Он посмотрел на свою кровь с недоверием, почти с отвращением.

— Я становлюсь смертным.

— Это не одно и то же, — ответила Лиора.

Впервые он не нашёл возражения.

ГЛАВА 7. ИМЯ НА ПОЛЯХ

Нина Дорн отдала Лиоре металлическую пуговицу, найденную в ладони матери. На тыльной стороне был выгравирован разомкнутый круг, а внутри него — число тридцать. Эльсе оставалось примерно тридцать лет, когда её первый раз объявили умершей.

Нина провожала их до лестницы. Она была похожа на мать не чертами, а привычкой держать подбородок высоко, даже когда плакала. Перед уходом попросила Лиору сохранить последнюю карточку Эльсы. Не ради расследования — чтобы там было написано, что женщина по утрам кормила голубей у восточной часовни.

Нина остановилась на площадке между этажами, где пахло щёлоком и влажными простынями. Через открытое окно было видно внутренний двор больницы: вдоль стены росли три хилых дерева, а на парапете сидели голуби. Девушка смотрела на них с такой сосредоточенностью, будто от птиц зависело что-то очень важное.

— Она всегда приносила им зерно, — сказала Нина. — Даже когда на хлеб едва хватало. Я сердилась. Она отвечала, что голубям неоткуда взять хлеба, если все люди решат, будто это не их забота.

Лиора опустила глаза на пуговицу. Разомкнутый круг в металле казался слишком аккуратным, словно преступник хотел, чтобы его заметили, но не догадались, кому он принадлежит. Она представила торговку Эльсу с тяжёлой сумкой, упрямую дочь рядом и стаю птиц, нетерпеливо топтавшихся по карнизу. В её карточке была лишь профессия и две несовместимые даты смерти. Привычное желание исправить бумагу вдруг стало почти физической болью.

— Какой у неё был смех? — спросила Лиора.

Нина подняла брови.

— Странный вопрос.

— В архиве о людях остаётся слишком мало правильных вопросов.

— Громкий. И такой... — Нина попыталась изобразить короткое фырканье, но вместо смеха у неё вырвался рывок дыхания. — Она смеялась раньше, чем понимала шутку. А потом спрашивала, чему все смеются.

Лиора записала это на краю своей тетради. Нина следила за движением карандаша, как за работой лекаря, который ещё не обещает исцеления, но хотя бы не отвернулся. Сайрен стоял на несколько ступеней ниже. В его глазах было обычное спокойствие, только ладони оказались стиснуты чуть крепче. Лиора не знала, смотрит ли он на живую дочь или слышит то, что осталось от матери.

Когда Нина наконец двинулась к выходу, Лиора заметила, что одна прядь выбилась у неё из-под платка. Это было трогательно и мучительно: перед ней стояла девушка, которой сегодня предстояло покупать хлеб, платить за комнату, стирать рубашки и одновременно учиться жить с отсутствием матери. Никто не выдал ей инструкции. Лиора хотела обнять её, но поняла, что не имеет на это права без приглашения. Вместо этого протянула чистый лист бумаги.

— Напишите ещё что-нибудь о ней, — попросила она. — Не официальное. То, что захотите сохранить.

Нина прижала лист к груди. Впервые за весь разговор уголки её губ дрогнули не от сдерживаемых слёз, а от удивления.

— Они больше не прилетят, — сказала Нина, вытирая щёки рукавом.

— Прилетят, — ответила Лиора. — Просто их встретит кто-то другой.

Эта фраза прозвучала утешением, пока она не осознала, что так и есть. Мир с безжалостной аккуратностью продолжает свои привычки без людей, которых мы любим. Лиора вписала голубей на оборот карточки, которую собиралась передать Норрену, и аккуратно разгладила угол. Сайрен наблюдал за ней молча. Он мог бы назвать точный момент ухода Эльсы, но не знал ни одной её привычки. Возможно, впервые ему стало не хватать собственного знания.

— Значит, кто-то ведёт учёт, — сказала Лиора.

Сайрен повернул пуговицу к свету.

— Не учёт. Торговлю. Такие метки называют расписками отсрочки.

Он провёл девушку через нижние рынки Вальдена. В лавке часовщика мастер продавал механизмы без стрелок; в соседней харчевне старики называли себя молодыми и морщились от любого упоминания календаря. Вечером они увидели женщину лет семидесяти, которая торопливо открывала дверь богатого дома. На запястье у неё блестел браслет с тем же знаком.

— У неё тридцать чужих лет, — сказал Сайрен. — Но срок заимствования скоро завершится.

Лиора поднялась по ступенькам и постучала, прежде чем он успел её остановить.

Женщина открыла сама. Её звали госпожа Арвис, и она не стала отрицать сделку. Когда-то лекарь сообщил, что она умрёт через месяц. Через три недели Арвис встретила мужчину

в сером, пообещавшего отсрочку. За жизнь пришлось заплатить богатством, которого у неё прежде не было.

В гостиной Арвис стояло слишком много часов. Высокие настенные, маленькие бронзовые, дорожные в кожаных футлярах — все показывали разное время. На буфете в серебряной рамке висел портрет мужа; он умер молодым, и богатая женщина, кажется, не позволяла лицу с портрета стареть даже в памяти. В глубине комнаты пахло лекарствами и дорогим воском. Лиора вдруг поняла: отсрочка не купила Арвис покоя. Она лишь превратила каждую минуту в постоянную проверку того, сколько осталось.

Пока женщина объясняла условия сделки, Сайрен стоял у закрытого окна. Он видел над её головой даты, которых не видела Лиора, и сдерживал слова, способные превратить страх в приговор. Когда они уходили, Арвис схватила его за рукав.

— Скажите только одно: я доживу до весны?

Сайрен взглянул на Лиору, словно спрашивая безмолвного совета. Она еле заметно покачала головой. Не потому, что правда была не нужна, а потому, что ни у одного человека не следует отнимать возможность прожить эту зиму без чужого голоса в голове.

— Я не продам вам ответ, — сказал Жнец. — И не стану отнимать у вас время, которое ещё есть.

Арвис опустила руку. Лиора знала, что та не поблагодарит, но впервые увидела, как Сайрен оставляет человеку пространство вместо окончательного знания.

— А вы спросили, чьей жизнью заплатили? — спросила Лиора.

— Меня заверили, что никто не пострадает.

— Вы поверили?

Арвис долго теребила браслет.

— Мне было страшно, — наконец сказала она. — Разве этого недостаточно?

Уходя, Лиора ощущала не торжество, а неприятное сходство. Её мать тоже совершила невозможное из страха. Разница была лишь в том, что Арвис знала о цене меньше.

На улице Сайрен спросил:

— Ты её ненавидишь?

— Я не знаю. Думаю, ненавидеть проще, чем признать, что на её месте могла бы поступить так же.

— Я видел тысячи людей перед концом. Большинство просили ещё один день, а не вечность.

— И ты никогда не хотел им помочь?

— Хотеть не входило в мою природу.

Она посмотрела на его лицо. В серых глазах уже появилась тень усталости. Возможно, он сам не замечал, как часто теперь задерживал взгляд на живых.

— А сейчас?

Он ответил не сразу.

— Сейчас я начинаю понимать разницу между правилом и причиной, ради которой его создали.

ГЛАВА 8. ПЕРВАЯ ТРЕЩИНА

Вскоре после полуночи Лиора увидела сон о мальчике с деревянным конём. Он сидел посреди комнаты, где стены были исписаны датами, и без конца повторял чужое имя. Когда она протянула к нему руку, пол оказался не полом, а тёмной водой. Даты поплыли вверх, как утонувшие листья.

Она проснулась от собственного крика. Сайрен стоял у окна, сжимая запястье, на котором темнели трещины.

Просыпаясь, она ещё слышала шорох деревянных колёс по каменному полу. В сновидении мальчик не выглядел чудовищем. Он был в коротком жилете, на локте зияла дыра, волосы

падали на глаза. Когда он говорил, что-то в его голосе напоминало тиканье: не ритм часов, а попытку отмерить время, которого нет. Лиора так отчётливо помнила щербатую игрушку в его руках, что ей захотелось нарисовать её, прежде чем образ исчезнет.

Она достала тетрадь. Рука дрожала. На бумаге получился конь с одной непропорционально толстой ногой. Сайрен молча взял лист и долго смотрел на него. В его лице что-то напряглось.

— Ты знаешь его? — спросила Лиора.

— Я знаю слишком много детей, чьи годы забрали. Этого не узнаю по одному рисунку.

Лиора заметила, как он произнёс «детей», будто слово вдруг стало тяжелее. Она не стала настаивать. Иногда человек говорит больше тем, что оставляет недосказанным.

Когда Лиора закончила рисунок, ей стало стыдно за него. В архиве она умела изящно выводить чужие имена, а здесь не смогла изобразить даже колесо игрушки. На другом листе она попыталась нарисовать мальчика: узкое лицо, длинная чёлка, одна рука с загнутым манжетом. Чем больше исправляла, тем меньше он походил на того, кто сидел во сне у воды.

— Остановись, — сказал Сайрен.

— Я хочу, чтобы он был узнаваемым.

— Ты уже запомнила важное.

Лиора подняла взгляд. Сайрен не прикоснулся к ней, но придвинул светильник, чтобы ей было удобнее работать. В прежние дни такой жест прошёл бы мимо неё. Теперь она заметила: Жнец мог приказать свету стать ярче, однако выбрал человеческий способ — рукой передвинул лампу по столу. Его рукав задевал край её тетради; ткань пахла дождём, хотя в Пределе не было обычной погоды.

— Если бы ты знал его имя, ты бы сказал мне? — спросила она.

— Да.

— Даже если имя неприятное?

— Имя не бывает неприятным. Неприятным бывает то, что с ним сделали.

За окном комната показывала теперь не улицу, а пустой двор с качелями. Лиора не помнила такого места из детства. Возможно, окно отвечало на мысли, возможно, Предел искал в её памяти сходство и ошибался. Она не стала проверять. Ей хотелось, чтобы двор был настоящим и где-то в мире существовал ребёнок, которому сейчас не страшно, потому что его ждут к ужину.

Сайрен сел у двери, не снимая пальто. Глаза его оставались открытыми, хотя Лиора понимала, что он почти не спит. Сквозь тишину донёсся шум часовой галереи. Она долго слушала его и вдруг сказала:

— В детстве я считала удары часов, когда мать уходила из дома. Она обещала вернуться к двенадцатому. Если не приходила, я сердилось и начинала считать заново.

— Она возвращалась?

— До одного дня — всегда.

Сайрен опустил глаза. Ей не нужно было, чтобы он немедленно заговорил о надежде или о правильном выборе. Лиора просто сидела рядом с человеком, который знал слишком много о концах, и впервые не чувствовала необходимости прятать от него своё детское ожидание. Она сложила рисунок пополам и положила в сумку. Теперь это было не доказательство, а обещание не пройти мимо.

— Я слышал тебя из другого крыла, — сказал он.

— Что с рукой?

— Сегодня я впервые почувствовал холод. И боль.

Ему хотелось скрыть страх, но он не знал, как выглядит его человеческая маска. Лиора вспомнила мать у кровати и вдруг поняла, как жестоко когда-то слово «бессмертный» избавляло её от сочувствия к этому существу.

Она достала из дорожной сумки чистую повязку. Сайрен не сопротивлялся, хотя смотрел на действия так внимательно, будто Лиора исполняла неизвестное заклинание.

Лиора усадила его на край кровати, поднесла лампу и осторожно развязала его манжету. Под кожей расползались тонкие серебристо-чёрные трещинки, не похожие ни на ожог, ни на синяк. Она намочила ткань тёплой водой. Когда капля коснулась его запястья, Сайрен резко вдохнул и отдёрнул руку.

— Больно?

Он прижал язык к нёбу, словно выбирал незнакомое слово.

— Неожиданно.

— Привыкай говорить точнее. Больно — это не позор.

Он снова протянул руку. Лиора обернула повязку медленно, проверяя, чтобы ткань не тянула кожу. Она почувствовала, что он смотрит на её волосы, рассыпавшиеся по щеке, и нервно поправила прядь тыльной стороной кисти. Ей хотелось, чтобы он отвёл взгляд, и одновременно — чтобы не отводил. Сайрен едва коснулся свободной рукой её локтя, помогая удержать светильник, и оба замолчали.

— Спасибо, — сказал он наконец.

Для Жнеца это слово прозвучало непривычно, чуть глухо. Лиора сделала вид, что занята узлом, но улыбка всё равно выдала её.

— Рана не глубокая, — сказала она. — Скоро затянется.

— Мне никогда не приходилось ждать выздоровления.

— Тогда совет: терпение полезнее мрачного взгляда.

На его губах мелькнуло что-то похожее на улыбку. Лиора опустила глаза, испугавшись, насколько сильное удовлетворение доставила ей эта крошечная победа.

Они решили проникнуть в хранилище расписок. Оно находилось ниже станции Предела, в зале без дверей. Доступ имели только старшие Жнецы. Сайрен знал путь, но не мог пройти защиту, не оставив следа. Лиора предложила использовать собственную странность: Книга не видела её последнего часа, следовательно, не могла распознать её как законного посетителя или нарушителя.

К станции Предела они добрались по служебной лестнице, которой, по словам Сайрена, пользовались только те, кто исправлял ошибки в проводных книгах. Ступени были вытерты посередине, словно по ним веками ходили с тяжёлыми связками ключей. За стеной раздавались голоса — Жнецы проверяли приходящие списки, спорили о невостребованных именах. Лиора прижалась к камню и с удивлением поняла: у загробного мира имеются служащие, которым тоже не хватает времени. Эта мысль почти рассмешила её, но Сайрен приложил палец к губам.

На нижнем ярусе охрана состояла из двух зеркал. Они отражали не лицо, а последнюю минуту каждого, кто проходил между ними. Лиора увидела Сайрена в гладкой поверхности: высокая фигура, закрытая чёрным плащом, и вокруг неё — пустота. Зеркало не понимало, как можно умереть тому, кто обязан принимать чужую смерть. В соседнем стекле Лиора увидела собственную колыбель, лицо матери, кровь на ладонях. Она с трудом заставила себя сделать шаг. Сайрен протянул руку, но не коснулся её.

— Это только отражение, — прошептал он.

— Для тебя — только. Для меня кто-то там однажды действительно умер.

Он опустил взгляд. Лиора прошла через зеркала сама. Стекло вздрогнуло, по краю побежали чёрные буквы, но проход не закрылся. Лишь тогда Сайрен оказался рядом. Она чувствовала его присутствие чуть позади — не как стража, ведущего пленницу, а как человека, готового помочь, если она сама попросит.

Внутри хранилища пахло сухими травами и горячим металлом. Книги были пристёгнуты к пюпитрам тонкими цепями. Лиора нашла раздел долгов по истёртым меткам в корешках; её профессиональная привычка разбирать чужие способы хранения документов оказалась полез-

нее Жнецовской магии. Она заметила, что несколько книг подменены: на новых страницах чернила лежали ровно, тогда как старые впитали в себя сероватый свет. Кто-то переписывал реальность так же грубо, как дешёвый чиновник подчищает невыгодный отчёт. И сделал это человек, который рассчитывал, что никто не взглянет на переплёт.

— Ты слишком охотно ставишь жизнь на неизвестное правило, — заметил Сайрен.

— А ты слишком охотно называешь неизвестное невозможным.

Лиора пыталась сосредоточиться на защитном знаке, но мысли всё время возвращались к Сайрену. Она уже различала его шаги: когда он спешил к двери, каблуки звучали ровно и почти без веса; когда сомневался, едва заметно медлил перед порогом. Сейчас он стоял рядом и смотрел на неё не как на опасную ошибку в Книге, а как на человека, которому можно причинить боль.

— Что? — спросила она, поймав его взгляд.

— Ты морщишь лоб, когда боишься, — сказал он. — А когда злишься, поднимаешь подбородок. Сначала мне казалось, что это одно и то же.

— Ты изучаешь меня?

— Я пытаюсь не перепутать то, чего ты хочешь, с тем, чего я от тебя требую.

Лиора перестала улыбаться. В его ответе не было искусства обольщения; вероятно, именно поэтому он оказался опаснее любого красивого комплимента. Она вдруг заметила тонкий изгиб его нижней губы, небольшую усталую складку у переносицы, непривычное тепло там, где сквозь кожу запястья проступала тёмная нить имени. До сих пор она отмечала эти детали, чтобы понять, насколько он слаб. Теперь поймала себя на желании рассматривать их без причины.

Он протянул руку, но не коснулся. Лиора смотрела на раскрытую ладонь и неожиданно вспомнила, как в детстве стояла перед глубокой водой, не решаясь шагнуть с берега. Тогда мать сказала: бояться можно, главное — понимать, зачем идёшь. Сейчас Лиора понимала не всё. Но впервые ей хотелось не просто выдержать его близость, а ответить на неё.

Он осторожно взял её руку. Его прикосновение было тёплым — не вполне человеческим, но уже не ледяным.

— Если что-то пойдёт не так, не пытайся спасти меня, — сказал он.

— Не отдавай приказов, которых я не выполню.

Защита действительно пропустила Лиору. Но когда она коснулась первой книги, по залу разнёсся колокольный удар, которого не было слышно снаружи. На обложке вспыхнули слова: «Долг происхождения: одна жизнь».

Ниже стояло имя часовщика — Габриэль Ренн.

Он умер в ночь её рождения.

ГЛАВА 9. ЧЕЛОВЕК, ПРОЖИВШИЙ ЗА МЕНЯ

Габриэль Ренн был двадцатидевятилетним часовщиком, мужем женщины по имени Астрид и отцом новорождённого мальчика. Лиора держала в руках его карточку и не могла заставить себя прочитать строку о смерти повторно.

На полях его карточки сохранилась совсем другая, неофициальная запись. «После работы любит задерживаться у мостовой. Показывает детям, как слушать часы через дерево». Вероятно, её оставил какой-нибудь добросовестный служащий. Лиора провела пальцем по почерневшим чернилам. Габриэль был не абстрактными сорока годами. У него болела спина после работы, наверняка случались глупые ссоры с женой, а по воскресеньям он, возможно, спал дольше обычного, пока сын играл возле кровати. Страшнее всего было представить не день его смерти, а длинную череду совершенно обычных дней, которые он не прожил.

Она положила карточку на стол и не сразу убрала руку. В детстве Лиора любила считать звёзды и считала, что некоторые из них не могут погаснуть, пока она смотрит. Мара не спорила.

Теперь ей хотелось разозлиться на эту память: мать учила дочь любоваться миром, который сама же заставила заплатить за спасение.

Лиора попросила в архиве отдельный час, когда посетителей не пускали внутрь. Она выложила на стол всё найденное о Габриэле: небольшую карточку, трудовую запись, копию свидетельства о браке, письмо от Астрид, давний запрос о пропавшем часовом инструменте. На бумаге его жизнь выглядела удивительно короткой. От рождения до смерти — две строки, между ними — несколько налогов и фамилия жены. Ни одного указания на то, что он умел расчесывать волосы малышу, спорил о погоде и пел за работой.

Сайрен стоял у высокого окна, сквозь которое просвечивала серая вода канала. Его неподвижность прежде казалась Лиоре высокомерием. Теперь она видела, что это способ выдерживать слишком многое, не умея делиться грузом.

— Ты помнишь его? — спросила она.

— Помню последний час.

— Расскажи не о том, как он умер. Что ты видел перед этим?

Сайрен долго молчал. Потом ответил:

— Часы были разобраны. На столе лежала пружина, которую он не успел поставить. На стене висела детская рубашка, а женщина за дверью пела младенцу. Он обернулся на её голос. Улыбнулся. Потом упал.

Лиора закрыла глаза. Мара наверняка в тот же миг держала на руках ожившую дочь. Два дома, два плача, разделённые несколькими улицами, оказались соединены решением закона, о котором никто в одном из домов не имел понятия. Девушка сжала карточку так, что край впился в ладонь.

— А ты? — спросила она. — Что сделал ты?

— Я был рядом, когда душа отделилась от тела. Помог ему перейти.

— Он спрашивал о сыне?

— Да.

Сайрен впервые отвёл взгляд. Лиора не сразу поняла почему, потом заметила: он помнит вопрос, на который не мог ответить. Ей хотелось обвинить его, назвать соучастником, заставить почувствовать хотя бы малую часть боли. Но он стоял перед ней без защиты, и обвинение вдруг показалось слишком лёгким способом уйти от собственной беспомощности.

Лиора достала новый лист. Написала крупно: «Габриэль Ренн. Отец. Муж. Мастер». Подумала и добавила: «Улыбался, когда слышал голос жены». Чернила расплылись от капли воды; только позднее она поняла, что плакала.

— Ты не обязан меня жалеть, — сказала она.

— Я не уверен, что умею.

— Тогда просто не мешай мне разбираться.

Сайрен подошёл к столу и подал чистую промокательную бумагу. Она приняла её, но единственный вопрос, которого боялась больше всего, по-прежнему оставался без ответа.

— Ты думаешь, я имею право жить? — спросила она.

Сайрен долго не отвечал. На его лице не было лёгкого утешения, которого Лиора всё равно не вынесла бы.

— У каждого живого есть это право, — сказал он. — Чья-то смерть не делает твою жизнь долей преступления. Но знание налагает на тебя выбор, как поступать дальше.

Она закрыла глаза. Ненавидеть себя было проще. Вина предлагала ясную роль и наказание; ответственность требовала жить так, чтобы не отворачиваться от причинённого вреда, хотя исправить его невозможно.

— Мать взяла его годы? — спросила она.

— Нет, — ответил Сайрен. — Она не выбирала, кто умрёт. Плата была собрана самим законом. Тот, чья нить оказалась ближе всего к нарушению, отдал будущее.

— Это должно меня утешить?

— Нет.

Он не стал оправдывать мать. И за это она была ему благодарна.

В архивах нашлось письмо Астрид. Женщина писала в городскую канцелярию, требуя объяснения внезапной смерти мужа. Ей отвечали сухими отписками. Спустя год она забрала сына и переехала на север. Лиора решила найти их, хотя не знала, что сможет сказать.

На обороте письма стояло семь одинаковых штампов: «Нет основания для пересмотра». Лиора слышала эту фразу в архиве так часто, что прежде почти не задумывалась над ней. Теперь каждый штамп казался маленькой дверью, захлопнутой перед женщиной, которая хотела узнать, почему муж умер за обеденным столом. Астрид, вероятно, носила ребёнка на руках, пока чиновники требовали повторной оплаты пошлины. Лиора рассердилась на людей, которых никогда не видела, и тут же поняла, что ей знаком этот гнев: так она сама ходила по инстанциям после исчезновения матери.

Сайрен забрал письмо, аккуратно разгладил и попросил позволить ему прочесть. Лиора наблюдала, как меняется его лицо. Он помнил последний час Габриэля — пружину на столе, голос Астрид за дверью и недоумение часовщика перед внезапной смертью. Но прежде ему были неизвестны годы, которые жена и сын прожили без Габриэля. Теперь письмо напоминало: цена той ночи измерялась не только сорока отнятыми у часовщика будущими годами, но и двадцатью пятью годами жизни его семьи без него. Это было открытие не о природе закона — о его слепоте.

— Если бы я знал тогда, — произнёс он, — я попытался бы остановить твою мать.

— И я бы не родилась второй раз.

Он поднял глаза. Ответа, который устроил бы их обоих, не существовало. Лиора впервые увидела в этом молчании настоящую честность: Сайрен не стал говорить, что спас бы всех. Он просто остался с ней, пока она складывала письмо в конверт.

— Ты не виновата в том, что случилось младенцем, — произнёс Сайрен.

— Но теперь знаю. И должна решить, что делать с этим знанием.

Его взгляд задержался на ней.

— Я приходил тогда за тобой, — сказал он. — Помню твою мать. Она была напугана, но не жестока.

— Жестокость бывает и от любви.

Сайрен не ответил. Вместо этого показал другие записи. За последние семь лет по всему королевству отмечались случаи «внезапного возвращения» и «исправленного срока». Подписи разных чиновников были одинаковы. Все сделки, если сложить незавершённые годы, образовывали число, которое невозможно было объяснить местной магией.

— Кто-то собирает время для одного великого действия, — сказал он. — Возвращение умершего. Подмена Жнеца. Переписывание начала мира.

— Малхир?

Имя повисло между ними. Сайрен посмотрел на кольцо, нарисованное на полях книги.

— Он отвечает за переходы между записями. Один из немногих, кто может скрыть след.

В дверном проёме появился Теон, второй Жнец. Его золотые глаза сузились.

— Если вы произнесёте это имя ещё раз здесь, он услышит, — сказал он.

— Значит, у него уже есть основания бояться, — ответила Лиора.

ГЛАВА 10. ГРЕХ ВТОРОГО ЖНЕЦА

Теон провёл их в заброшенную оранжерею, где среди серого стекла росли растения без корней. Их листья были наполовину прозрачными. Когда Лиора прикоснулась к одному, услышала чужой смех и отдёрнула руку.

Оранжерея оказалась длиннее, чем казалась снаружи. Вдоль стен тянулись ржавые полки, а вместо земли в кадках лежал сероватый пепел. Некоторые растения медленно склонялись

к проходящим, как уличные кошки к знакомой руке. Сквозь разбитый стеклянный купол не падал дождь. Над ним стояло другое небо — янтарное, застывшее в час, которого в Междумирье не существовало.

Лиора присела возле маленького куста с листьями в форме человеческих ладоней. На одной пластинке ей послышалось, как мужчина приговаривает: «Не бойся, вода неглубокая». На другой — ложка стукнула о чашку и кто-то расхохотался. Её вдруг охватило ужасное желание остаться здесь и собрать каждый звук, чтобы ни один человек не исчез окончательно. Сайрен коснулся её плеча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.